

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

Часто музыкантов спрашивают: откуда у них способности, каков их генезис. На это легко мог ответить сын Р. Вагнера, Я. Кубелика или, скажем, Д. Шостаковича. А мне ответить трудно, потому что мои родители не были музыкантами — профессионалами. Я думаю, что здесь имеют значение не только предпосылки пресловутого генетического кода, но и целый ряд обстоятельств внешней среды, впечатлений, особенно детских.

Каковы они? Я из литовской провинции. Но и в глуши раньше костел был обязательно, а раз костел, значит, орган, значит, хор и даже солисты, значит, музыка барокко, и Бах, и Шуберт, и Гунно. И это было божественно красиво, во всяком случае я так ощущал. Но, видимо, не только я. Мой отец был убежденным атеистом, но постоянно ходил на церковные службы слушать музыку. Дома немножко музицировали — мать на рояле, отец на скрипке. Вот начало.

Потом в школе — обязательно хор и очень серьезное, «взрослое» пение (в основном в произведениях четырехголосных).

У меня был дискант, и учитель всегда подсаживал меня для укреплений слабых девичьих голосочков, что мне «мужчине» было это, ох, как оскорбительно. Наш детский хор, видимо, действительно был недурен, потому что по случаю установления Советской власти в Литве, в Вильнюсе был организован большой фестиваль и конкурс хоров, и мы пожинали лавры.

Одновременно у меня — частные уроки музыки у невесты каким образом затерявшейся в городке пианистки.

Один из моих многочисленных дядей имел голос и был не плохим органистом. Помню, как в небольшом местечке на берегу Немана, где мы обычно проводили лето и где в это время года бывали шумные народные праздники — кermесы (совсем как в «Фаусте»), мы с ним приходили на церковные хоры. Местный органист уступал место, и дядя пел «Sanctus» или Gloria in excelsis Deo», а я «Ave Maria» (фальцетом, конечно). Иногда дядя подыгрывал мне, иногда — я ему. А в это время внизу в основном нефе начиналось усиленное сморкание; оказывается, от нашего пения женщины плакали. Вот какие мы были «знаменитые»!

Когда собирались многочисленные родственники (человек эдак 25), то рассаживались в саду и пели, а мое место было у открытого окна за разбитым пианино: я подбирал аккомпанементы. А тут вернулся из Италии учившийся там дядя (уже другой) и первым делом, выстроив нас, детей, в шеренгу, стал обучать петь по-итальянски Canzonj Napoletane (я и сейчас их помню).

А потом уже в Каунасе — тогдашней столицы Литвы, т. к. Вильнюс был возвращен республике стараниями Советского правительства, меня первый раз повели в оперу (кажется, в году 1936). И как вы думаете, кого я слушал? Шаляпина в опере А. Бойто «Мефистофель». В том году Ф. Шаляпин пел в нашем театре, если не ошибаюсь, целый сезон и вообще пел свой последний сезон. А из дирижеров там работали Ф. Штидри, Э. Купер, А. Коутс, Н. Малько, Л. Блех, Х. Кнапертсбуш, декорации писали А. Бенуа, М. Добужинский.

Вот в этом театре я и начал свою дирижерскую карьеру (ровно 20 лет тому назад, подумайте только — как терпелива музыка!). Но это случилось уже после того, как я окончил фортепьянный факультет и вместо предложенной аспирантуры в Москве пошел аккомпаниатором в театр, ибо была только одна страсть — дирижировать любой ценой.

Главным дирижером был тогда не совсем молодой М. Букша — 82 года! (Кстати, учитель В. Барсовой, дирижировавший Э. Карузо, Ф. Шаляпина, знавший П. Чайковского, А. Никишу и имевший в репертуаре 100 опер). На моей душе большой грех — я все ходил тогда вокруг него и думал: ну неужели этот человек никогда не болеет? И все же «сглазил»: он заболел в день спектакля, и я, как часто бывало, «выручал». Так, во фраке, взятom из костюмов «Травиаты», в тугом воротничке, душившем меня в течение всего вечера, состоялся мой дебют. Это была «Галька» С. Моношко. Потом было еще много известных названий.

Но самое, пожалуй, светлое — это учеба в Московской консерватории у дивного педагога и обаятельнейшего Николая Павловича Аносова, так непростительно рано ушедшего из жизни. Были: дружная семья дмитровского общежития, «консерва» и карманные партитуры (всегда в кармане, как им и положено). Ничего не было более радостного, чем приносить умному учителю каждую неделю по симфонии наизусть (иначе не впускал в класс).

Эти дивные четыре года пролетели с курьерской скоростью.

Потом 5 лет в одном из лучших оркестров страны — в Большом симфоническом. Сколько разной музыки переиграно было за это время! Гастроли, концерты, ну и, конечно, давнишняя мечта — работать в Большом театре.

Я не уверен, что лучше — сама мечта или когда она сбывается. Но она сбылась.

Почему стремятся в Большой? Потому что нет другого театра, где было бы такое удивительно ровное и блестящее сочетание всех многочисленных компонентов. Я очень счастлив, что работаю в нашем славном коллективе вот уже двенадцатый год. За это время много пережито; были огорчения, но было и очень много творческих радостей. И я надеюсь, что они будут и в дальнейшем, в частности оперная постановка, которую я давно мечтаю осуществить. В эти дни я позволю себе выразить желание, чтобы это случилось скорее.

Сердечно всех поздравляю с 50-летием образования Советского Союза и желаю, чтобы некоторые сокровенные мечты каждого иногда осуществлялись.

А. ЖУРАЙТИС,
заслуженный артист РСФСР.

Сав. архив 1972.22/11